

ПОЗДНЕРИМСКИЙ ВОЕННЫЙ МЯТЕЖ И УЗУРПАЦИЯ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ ТЕТРАРХИИ

Вряд ли можно полностью согласиться с категорическим утверждением Э.Флайга - автором капитального труда о природе узурпации императорской эпохи, что римские «узурпации никогда систематически не исследовались»¹. Междисциплинарный подход в сочетании с жесткой критикой влиятельного в историографии направления, ориентированного на государственно-правовой анализ узурпаций, позволил Э.Флайгу пересмотреть ряд традиционных положений о сущности римской монархии и сформулировать собственную концепцию властной легитимности принципата как системы социально-политической акцептации. Однако его «новая концептуализация политики в римской монархии» в известной мере развивает отдельные аспекты уже имеющихся в специальной литературе историко-социологических и историко-политологических конструкций. Так, вслед за А.Уордменом узурпация определяется как непосредственно порожденный внешними и внутренними проблемами государства в целом и его отдельных регионов вызов правящему императору². В силу того, что римское общество было пирамидальной (а не сегментарной) структурой, в которой борьба за верховную власть неизбежно вела к вооруженным конфликтам, «императоры и узурпаторы являлись жертвами этой пирамидальной структуры»³. И.Сидат, подчеркивая, что прямой связи между внутри- и внешнеполитическими трудностями и узурпациями не существовало, отметил неразрывность узурпаций как последнего ответа на политические кризисы с социальной и политической структурой Римской империи. Тотальное же изменение политической системы лежало вне политической реальности; более того, узурпации консервировали эту систему и в целом не вредили существованию государства и политической стабильности⁴. Узурпации, развивают эти мысли Э.Флайг, были возможны именно в социально-

¹ Flaig E. Den Kaiser herausfordern: Die Usurpationen im Römischen Reich. Frankfurt am Main; New York, 1992. S. 11.

² Wardman A.E. Usurpers and Internal Conflicts in the 4th century// Historia. 1984. T. 33. Hf. 2. P. 234.

³ Ibid. P. 236.

⁴ Szidat J. Usurpationen in der Römischen Kaiserzeit: Bedeutung, Gründe, Gegenmaßnahmen// Labor omnibus. Festschrift für G.Walser. Stuttgart, 1989. S. 240 - 241; ср.: Ibid. S.236: «...узурпации дестабилизирующе воздействовали на политическую систему».

политической системе акцентации (*plebs urbana, senatus, milites*) императоров⁵.

Стремление проанализировать феномен римских узурпаций не только в конституционном, но в более широком политико-социологическом контексте породило попытку их частичной «позитивной реабилитации», что, на мой взгляд, не удалось. Так, А. Уордмен, занявший двойственную позицию в отношении негативной оценки Евтропием (*Eutrop. X.12*) последней битвы при Мурзе 351 г., отметил необходимость иметь в виду то, что «узурпации внесли в империю нечто положительное» и то, что он преследовал цель избежать традиционного изображения узурпаторов в качестве разрушителей имперской обороны. Последнее утверждение автору сколько-нибудь аргументированно проиллюстрировать не удалось. Реальным же итогом его рассуждений стало следующее: «Узурпация была встроена в римский способ передачи власти и не была столь деструктивной, как это может показаться на первый взгляд»⁶. Тезис о тесной связи узурпаций и механизма воспреемства императорской власти традиционен и до сих пор влиятелен (в силу того, что его государственно-правовая аргументация все-таки безупречна) в историографии, хотя устойчивая тенденция к его пересмотру налицо. Реакцией на него были многочисленные реконструкции, мотивирующие генезис узурпаций социально-экономическими и харизматическими факторами, интересами политически релевантных групп имперского населения⁷. Доминирование политических причин возникновения узурпаций, а не отсутствие твердых правил наследования власти (при признании того, что династичный принцип оказывал серьезное стабилизирующее воздействие в течение всей императорской эпохи) – такова современная *opinio communis*. В числе их отмечают также: главная предпосылка возникновения узурпаций – революционный характер происхождения императорской власти⁸; что узурпация и воспреемство власти в духе монархической легитимности – разные вещи⁹.

При определении главного инструмента узурпаций разногласий нет: им были вооруженные силы. Мотивы участия армии в узурпаниях неоднозначны и, думается, в каждом случае конкретны, при том, что вычленение общих для всего императорского периода причин вовлеченности военных в политику в историографии традиционно.

⁵ Flaig E. *Den Kaiser...* S. 117.

⁶ Wardman A.E. *Usurpers...* P. 236.

⁷ Обширная литература приведена: Hartman F. *Herrscherwechsel und Reichekrise: Untersuchungen zu Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium der Soldatenkaiserzeit* (3. Jahrhundert n.Chr.). Frankfurt a. Main; Bern, 1982; Elbern St. *Usurpationen im spätrömischen Reich*. Bonn, 1984.

⁸ Hess A. *Das Revolutionsproblem im Spiegel der antiken Geschichte*// HZ. 1973. T. 216. S. 64.

⁹ Flaig E. *Den Kaiser...* cp.: Seeck O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Stuttgart, 1921. T 1. S. 17.

Прежде всего ссылаются на корпоративные материальные интересы (расчет на любые виды денежных вознаграждений и легальных привилегий), исходя из признания сугубо наемнического характера императорской армии, что предполагает постоянную склонность войск к политической взятке¹⁰. Согласно иной точке зрения, успешные узурпации - результат комплексного социально-политического сотрудничества, поэтому (исключение - III в.) материальные интересы армии были не решающим, а добавочным мотивом военной поддержки претендентов¹¹. Донативы эпохи принципата представляли собой символические подарки, в основе чего лежала социальная и политическая близость войска к дающему (императору или узурпатору); такие персональные, не зависящие от величины донатива отношения складывались между претендентами (или носителями) на высшую власть и армией с развитыми гражданскими ориентирами¹². По мнению П.Вейна, донатив сохранил эти характеристики и в позднеантичный период¹³. Таким образом, перефразируя Э.Флайга¹⁴, можно сказать, что узурпация была политически сложным мероприятием в отличие от ее технической стороны.

Изучение позднеантичных узурпаций, кроме вывода о том, что это был главным образом западноримский феномен, позволило составить своего рода каталог факторов успеха претендентов на власть. К их числу относится кровное и брачное родство с предшественником или правящим императором - особенно убедительный, по мнению исследователей, аргумент для войск. Однако династийная идиосинкразия утрачивала для солдат свою харизматическую привлекательность при коллизии с «идеологией доблести» тех узурпаторов, которые обладали не генеалогическими линиями, но высоким полководческим авторитетом и от которых ожидали немедленных решительных действий против внешнего врага.

Таким образом, в целом изучение римских узурпаций, несмотря на значительное количество работ, анализирувавших конкретные случаи посягательства на императорскую власть, тяготеет к завершенным теоретическим реконструкциям за крупные исторические периоды. Нередко «узурпационные» ситуации и механизмы I, II и IV вв. признаются исторически аналогичными, а поэтому периодически повторяющимися в структурно малоизменяющемся виде. В первую

¹⁰ **Campbell J.B.** *The Emperor and the Roman Army. BC 31 - AD 235.* Oxford, 1984. P. 198. Персональные мотивы узурпаторов - честолюбие, страх, - предполагающие щедрое вознаграждение солдат, также вполне укладываются в эту схему.

¹¹ **Flaig E.** *Den Kaiser...* S. 216.

¹² *Ibid.* S. 165 - 166; **Kraft K.** *Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau.* Bern, 1951. S. 69.

¹³ **Veyne P.** *Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique.* P., 1976. P. 609.

¹⁴ **Flaig E.** *Den Kaiser...* S. 206: «Заговор технически сложнее, политически - проще».

очередь это касается роли и места армии в узурпациях: несамостоятельная в политическом отношении, ведомая своими аристократическими (как военными, так и гражданскими) лидерами сила. На особенности военной организации принципата и домината и соответственно различие в конкретно-исторических мотивационных моделях политической активности конкретно-исторических армий обращается недостаточное внимание. В немалой степени это относится к изученности тандема «армия - узурпация» в IV в. Подмеченное в историографии разительное различие в частоте узурпаций в западной и восточной частях империи уже само по себе предполагает раздельный анализ этого позднеантичного (западноримского и ранневизантийского) феномена.

Первая тетрархия унаследовала от кризисной эпохи III в. все особенности переходного состояния политической системы, решительно углубляя реформационные мероприятия своих предшественников и стараясь придать им системную завершенность, в том числе в военной организации. Унаследованы были и сложившиеся к 284 г. типы узурпаций, способы их ликвидации и предотвращения. Само начало домината ознаменовалось очередным витком узурпаций, обнажившим нежизнеспособность кровнородственных принципов организации императорской коллегии Кара. На Западе корректор Италии Сабин Юлиан¹⁵ провозглашается императором после получения известия либо о гибели Кара (Aur. Vict. De caes. 39. 10), либо о гибели Нумериана (Zos. 1.73.1). Все источники указывают на единственный мотив узурпации: недовольство офицерства предосудительным поведением Карина. На востоке причастным к таинственной смерти Нумериана оказалось высшее военное командование, планы которого относительно судеб власти были различны. Ф.Кольб, развивая мысли О.Зеека, полагает, что префект претория Апри скрывал естественную смерть своего зятя Нумериана, стремясь передать восточную армию под командование Карина и занять при нем положение *agens ac tutor principis*. Кандидатура Диоклетиана, не имевшего сыновей, давала шанс на соправительство «другим членам руководящей офицерской клики»¹⁶. Диоклетиан, поклявшись не репрессировать сторонников Апри, был избран августом *ducum consilio tribunorumque* (Aur. Vict. De caes. 39.1). Можно ли в данном случае говорить об узурпации? Безусловно. Общепринятая в историографии максима О.Зеека («Узурпаторов в правовом смысле на римском троне никогда не было и никогда не могло быть») исходит из того, что в силу невозможности собрать воедино все войска империи для совместного акта избрания, «каждая часть войска должна была служить в качестве представителя целого; т.е. каждая солдатская банда могла по соизволению сделать себе своего

¹⁵ Wardman A.E. *Usurpers...* P. 230 - 232.

¹⁶ Kolb F. *Diokletian und die Erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft?* Berlin; New York, 1987. S. 14 - 15.

императора»¹⁷. Однако аллюзия на знаменитую тацитовскую *arsana impregii* о том, что империй каждого претендента был в правовом отношении равнозначным, не совсем приложима к публично-правовой и политической ситуации конца III в. Помимо харизматических аспектов создание императорских коллегий в III в. имело целью поставить основные армейские группировки под контроль *иерархически соподчиненных* членов правящего дома. Поэтому претензия Диоклетиана на титул августа, а не цезаря при живом Карине была, конечно, узурпацией в публично-правовом отношении. Его клятва перед войском в своей невинности в смерти Нумериана (Eutr. IX.20.1) наряду с неожиданной, без суда и следствия, расправой над Апром и в том, что он не желал империя (Aur. Vict. De Caes. 39.13), обнаруживает как верность армии легитимному императору и ее готовность призвать злоумышленников к ответу, так и стремление продемонстрировать лояльность правящей династии именно перед солдатской массой.

В обоих случаях (Сабина Юлиана и Диоклетиан) поведение армии было типичным для ситуации, сложившейся после реформ Галлиена: властные и политические ориентиры командования и солдат не совпадали, поэтому высшее офицерство утратило политический контроль над рядовым составом. Мотивировать это воспитанной долгой традицией династийной идиосинкразией солдат вряд ли возможно хотя бы потому, что в течение III в. гарантии личной безопасности носителей императорского титула резко снизились. Объяснение этому лежит, на мой взгляд, в военно-политическом аспекте.

К 60-м гг. III в. сформировались основные структурообразующие элементы позднеримской армии - походные *comitatus*, которые все больше ориентировались на своих командиров, нежели на центральную власть. Не в последнюю очередь это было результатом крупных военных неудач, делавших беззащитными целые регионы империи. Катастрофы, подобные гибели в сражении Деция и пленению Валериана, способствовали падению авторитета императорской власти и ее харизматического ореола. Видимыми итогами стали дезорганизация общегосударственного руководства войсками, вера солдат в удачливых полководцев, быстрое разочарование в своих выдвиженцах в случае промедления скоро ожидаемых успехов, резкое падение воинской дисциплины вплоть до убийства императора (Аврелиан, Проб), пытавшегося ее поднять. С другой стороны, именно беспорядок в армии, фактический развал некогда единого военного организма умножали властные амбиции командования, вели к укреплению его связей как со своими *comitatus*, так и со своими регионами. Покушение на жизнь императора поэтому воспринималось основной массой *comitatus* как покушение на гаранта своих корпоративных жизненных интересов, что с неизбежностью влекло за

¹⁷ Seeck O. Geschichte... S. 16. Сп.: Seston W. Diocletien et la tetrarchie. P., 1946. P. 208.

собой либо персональную месть, либо месть в форме локальной гражданской войны. Возможности для объединения общегосударственной идеей настороженно относящихся друг к другу *comitatus* были ограничены. Одной из них была крупномасштабная внешняя угроза; для III в. основной являлась иранская. Германский племенной мир в военно-политическом отношении не был един, поэтому северная граница распадалась на несколько фронтов, что вело именно в западных провинциях к регионализации военных и гражданских интересов.

Объединить легионы универсальной идеей только военными средствами удалось на короткое время. Речь идет о знаменитой галлиеновой армии, в которой в качестве отдельного боевого соединения, позволявшего совершать невиданную ранее маневренность, были *equites Dalmatae*, авторитет которых на основании весьма внушительных успехов (разгром готов под Наиссом, ликвидация пальмирских претензий на восточные провинции, капитуляция «галльской империи») в конце 60 - 70-х гг. III в. был неоспорим. Однако и эта сводная имперская кавалерия быстро политизировалась. Как известно, командирами ее были Авреол (*Zos.1. 40.1*), Аврелиан (*SHA. Aurel. 18.1*), Проб (*SHA.Prob.8.7*), в провозглашении которых императорами *equites* сыграли лидирующую роль¹⁸.

Давним средством решения проблемы одновременного командования на нескольких фронтах и поддержания лояльности всей армии служили императорские коллегии с их территориальным разделением функций¹⁹. Однако во второй половине III в. это средство перестало срабатывать и тоже явно находилось в состоянии кризиса, очевидно, именно по причине все более и более множившихся и входивших в «моду» властных амбиций армейского командования.

В известной мере разрешить этот клубок противоречий и поставить армию под политический контроль удалось Диоклетиану, который отменил явно отжившие принципы попыток стабилизировать положение в империи, сохранил и развил способные функционировать. Одной из главных задач Диоклетиана являлось удовлетворение властных амбиций высшего командования. Всякие проекты восстановления режима единодержавия оказывались явной утопией. Мы разделяем мнение Ф.Кольба²⁰ о том, что Диоклетиан планировал назначение соправителя уже при своем провозглашении августом. Серьезным шагом по абсорбированию властных амбиций стало учреждение цезариата как конституционно-институтизированной ступени к августату. Ф.Кольб подметил, что мотивировать назначение Галерия цезарем

¹⁸ *Aur. Vict. Epit. De caes. 36.2: «Sed cum magna pars exercitus Equitum Probum... Legisset...».*

¹⁹ Подробнее см.: Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 34 - 39.

²⁰ *Kolb F. Diokletian... S.22 - 23*

чисто военными факторами не приходится уже потому, что к этому времени на Востоке не было ни узурпатора, ни какой-то серьезной внешней угрозы²¹. Когнатические принципы организации императорской коллегии изменялись на кооптацию «лучших». По мнению специалистов, Констанций Хлор и Галерий были префектами претория Максимиана и Диоклетиана²². Это поставило под контроль *comitatus*, которых, по данным Лактанция (*Lact. De mort. 7.4*), в империи было четыре, и их командование. Самое мощное орудие узурпаций оказалось на время обуздано. Об том прямо свидетельствуют частота и характер узурпаций эпохи первой тетрархии.

Единственное серьезное выступление, в котором принимали участие военные соединения, - это узурпация Караузия 287 - 293 гг. Провозглашение императором в Селевкии в 303 г. Евгения, трибуна горгорты из 500 солдат, было трагикомичным. Согласно Либанию (*Lib. Or. 20.18*), посланные на работы в гавань солдаты, вынужденные по ночам печь себе хлеб, не имели возможности выспаться. Тогда они под страхом смерти принудили своего командира принять императорский титул и вести их на Антиохию, грабя ее окрестности. Граждане города своими силами ликвидировали «пьяный бунт», причинами которого послужило лишь тяжелое положение конкретной воинской части и, как следствие, дисциплинарное неповиновение; какие-либо четкие политические ориентиры и у солдат и у командования отсутствовали. Сохранилась лишь унаследованная от кризисной эпохи привычка решения своих проблем через выдвигание собственного императора.

Караузий, опытный командующий флотом, обвиненный в сокрытии добычи, отнятой у германских пиратов, и предупрежденный о приказе Максимиана арестовать и убить его, поднял мятеж и провозгласил себя августом (*Aur. Vict. De caes. 39.20*). Он опирался на военно-морские силы в течение всего своего правления в Британии, препятствуя переправе войск Максимиана на остров (*Pan. Lat. 4.12*). По сути дела, флот был его *comitatus*, командование которым как бы и создавало правовую основу его властных претензий. Думается, Караузий имел популярность на флоте не только вследствие своих неоспоримых военных успехов, но и щедрости по отношению к матросам, имевших более низкий статус в военной организации принципата. Незначительные военные формирования Караузия были ненадежны: при первой же серьезной атаке летом 293 г. на его позиции в прибрежной Галлии солдаты перешли в лагерь Констанция (*Pan. Lat. 6.5*). Анализ монетных легенд Караузия давно привел специалистов к выводу, что его нельзя ставить в один ряд с прочими узурпаторами III в.: он всячески подчеркивал свою причастность к правящей коллегии, признавая старшинство Диоклетиана, но равенство в титуле и правах с

²¹ Kolb F. *Diokletian...* S. 71.

²² Barnes T. *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge (Mass.); London, 1982. P. 37 - 38; Kolb F. *Diokletian...* S. 70 - 71.

Максимианом²³. Караузий не пытался создать собственную династию, даже через политическую адоптацию, очевидно, понимая, что конкурировать с победоносными Иовиями - Геркулиями бесполезно; напротив, своей легитимности он искал в линияже с ними. На первых порах ему это удавалось: после неудачной попытки Максимиана в 289 г. переправиться в Британию и гибели его флота, «*Carausio remissum insulae imperium*» (Aur. Vict. De caes. 39.39). Мера была вынужденной, и позже, во время встречи в Медиолане в 290 г., Диоклетиан рассудил иначе: любые решения о месте во властной конструкции принадлежат *auctor imperii*, т.е. ему. Тон официальной пропаганды в отношении Караузия, отраженный в галльских панегириках, ужесточался по мере военных успехов тетрархии: от едва уловимого раздражения по поводу необходимости замалчивания факта вынужденного признания Караузия (панегирик Мамертина по случаю дня рождения Максимиана в 291 г.) до оценки в 297 г. мятежа как разбоя (*latrocinium* - Pan. Lat. 4.12.1), совершенного *factio piratica* (Ibid. 4.6.1), которая для своих преступных целей наняла варваров (Ibid. 4.17.1), произвела принудительный рекрутский набор среди галльских торговцев и построила множество кораблей (Ibid. 4.12.1). Не случайно в этой связи, что Караузий не удостоился даже обозначения «тиран» (узурпатор), но только «*archipirata*» (Ibid. 4.12.2). Вовлечение в узурпацию официальных сил было вынужденным: римский легион стал *occupata*, несколько *coanei militum peregrinorum* (auxilia лимитрофной зоны)²⁴ оказались окружены и парализованы в своих действиях (Ibid. 4.12.1).

Неумолимость курса на укрепление властного авторитета государства выразилась и в том, что решения о наказании и применении силы также должны исходить исключительно от легитимного императора. Так, Диоклетиан репрессировал нескольких куриалов Антиохии, очевидно, за их самостоятельность при подавлении «пьяного бунта» Евгения (Lib.Or. 20.17).

Узурпация Караузия и особенно его преемника Аллекта (293 - 296) побудила Диоклетиана предпринять административную реформу в масштабах всей империи, не ограничиваясь, как это было в III в., локальными экспериментами. Аллект, организатор заговора против Караузия, был *rationalis summae rei* (Aur. Vict. De caes. 39.41); сама форма узурпации и должность претендента позволяют сделать вывод, что войска в подготовке узурпации, скорее всего, участия не принимали, а его власть на острове охранялась как и прежде главным образом флотом и наемниками-варварами, одной из главных баз которых был Лондиний (Pan. Lat. 4.17.1). Население и гражданские правящие слои в Британии, очевидно, оказывали поддержку Караузию и Аллекту. Для того, чтобы этот своеобразный рецидив «галльской империи» не

²³ Seston W. Diokletien... P. 84 - 88.

²⁴ Zuckermann C. Les «Barbares» romains: Au sujet de l'origine des auxilia tetra-chiques// L'Armee Romaine et les Barbares du IIIe au VIe siècle. P., 1993. P. 17 - 19.

повторился в других регионах, необходимо было углубить наметившееся в эпоху кризиса III в. разделение гражданских и военных властей.

Недавно Демандт попытался оспорить суть административной реформы Диоклетиана: «Представляемый в связи с этим взгляд, что уменьшением провинций Диоклетиан хотел затруднить узурпации наместников... неправдоподобен, поскольку для этой цели следовало бы разделить войсковые командования. Этого не произошло»²⁵. Думается, однако, что традиционная точка зрения более жизнеспособна именно с позиций армейско-организационной аргументации. В военно-административном отношении первая тетрархия существенно отличалась от эпохи кризиса, когда, начиная с 40-х гг. III в., правительство было вынуждено пойти на учреждение экстраординарных оборонных комплексов - дукатов, включая в них по несколько провинций и подчиняя все их легионы и *auxilia* одному командиру, наделенному одновременно и гражданской властью²⁶. Не случайно именно огромные дукаты Галлии, Иллирика, Востока стали главными очагами узурпаций. Учреждением соподчиненного августату цезарата, который характеризуют в том числе и как «сотрудничество командующих армиями и их легионов»²⁷, Диоклетиан вывел из сферы прежнего прямого распоряжения дуксов походные войска, передав их цезарям, которые получили также гарантии конституционного достижения августата при условии их десятилетней безупречной службы и лояльности. У недавно могущественных *duces* было изъято, тем самым, главное орудие узурпаций - походные *comitatus*, что уже само по себе говорит именно о разделении войсковых командований, но не по территориальному признаку, а по роду войск. Резко уменьшенные в размерах провинции со сложной иерархией наместнических титулов больше не объединялись в оборонные комплексы, а дукаты из региональных превращались в приграничные, дробить которые в «пожарном порядке» не имело смысла, так как гражданская власть у *duces limitum* изымалась; узурпация с опорой только на пограничные войска без поддержки населения и походных *comitatus* была равна самоубийству. Не случайно поэтому в эпохи первой и второй тетрархии претензий на императорскую власть со стороны дуксов не было, а сами они до 369 г. (ILS. 7494) оставались в разряде *Perfectissimi*. В результате учреждения диоклетианова цезарата наметилась также устойчивая тенденция превращения префектов претория, одних из главных инициаторов узурпаций в III в., в гражданских чиновников²⁸. Все имперское население в ходе административной реформы оказалось

²⁵ Demandt A. Die Spätantice. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284 - 565 n. Chr. München, 1989. S. 54.

²⁶ Глушанин Е.П. Военная знать... С. 34 - 36.

²⁷ Seston W. Diocletien... P. 237.

²⁸ Подробнее см.: Глушанин Е.П. Военная знать... С.38 - 42.

разделенным на две части: гражданских и военных, интересы которых отличались, а политическая взаимная поддержка, соответственно, оказывалась маловероятной. Механизмы и структура узурпаций первой тетрархии тем самым разительно отличались от своих аналогов I - III вв.; каждый социо-профессиональный слой имел свои причины, цели и средства давления на центральную власть, которая сумела эмансипироваться от совокупных ультиматумов гражданства.

Иллюстрацией этому может служить мятеж Домициана (Ахиллеса), в котором участвовало главным образом сельское население, ставший прямым следствием финансовых нововведений Диоклетиана в Египте - такова традиционная точка зрения. Фрагментарность информации источников позволила сформулировать и прямо противоположную гипотезу: «Ничто не доказывает, что Домициан был вознесен к власти народным восстанием. С самого начала узурпация была военным путчем и именно в военной ситуации империи следует искать ее вдохновение. Второй египетский мятеж вписывается в политические и военные рамки, созданные персидской войной. Должностные лица в Египте знали все о поражении Галерия; они знали, что руки Диоклетиана связаны и что он не может послать против них ни одного подразделения из-за опасности персидского нападения. Для использования их шанса условия казались самыми благоприятными». Они, однако, не знали о том, что Галерий перебросил подкрепления с Дуная и новая ситуация на персидском фронте позволила Диоклетиану начать интервенцию в Египет²⁹.

Не оспаривая связь событий войны с персами с сепаратистским мятежом в Египте, укажем тем не менее, что его оценка как военного путча уязвима. Источники не упоминают участие регулярных войск в узурпации, подчеркивая, что ее главной опорой были гражданские элементы (Malal. 308: «В то время *etyrannesan египтяне* и убили своих магистратов»; Zonar. XII. 31: «Во второй раз Александрия и Египет подняли руку против римлян, когда некий Ахиллес соблазнил *египтян* на это»). Очевидно, подобное стало возможным после выступления из Александрии против повстанцев префекта с солдатами. Неясно, какими силами были произведены захват Александрии и устранение верной тетрархам городской администрации. Нет информации и о том, выступили ли в поддержку горожан полицейские подразделения³⁰ - остались нейтральными или выступили на стороне сепаратистски настроенной части александрийского магистрата. В том, что город удерживало во время карательной акции гражданское население, убеждают следующие обстоятельства: Диоклетиан взял Александрию

²⁹ **Zuckermann C.** Les campagnes des tetrarques, 296 - 289: Notes de chronologie// Antiquité Tardive. 1994. Vol. 2. P. 68.

³⁰ Подробнее об этом институте см.: **Jones A.H.M.** The Later Roman Empire: A. Social, Economic and Administrative Survey, 284 - 602. Oxford, 1964. P. 725 - 726.

измором в короткий срок³¹, очевидно, желая избежать бессмысленных солдатских потерь в уличных боях. Аврелий Ахиллес при Домиции Домициане, вероятно, еще до узурпации, занимал должность *erapartotes - cjrrector* (PLRE. 1.9), связанную с сугубо гражданскими, в том числе финансовыми³², функциями³³, он не был ни иринархом, ни *praepositus pagi*, не имел, видимо, до узурпации влияния даже на полицейские силы Александрии. Репрессии Диоклетиана после победы обрушились опять же на гражданское население: «Он обезобразил весь *Egypte* тяжкими проскрипциями и убийствами» (Eutrop. 9.23).

Набеги квинквентанов в Африке в конце III в., возглавляемых неким Юлианом, вряд ли можно считать узурпацией. Логика повествования Аврелия Виктора (Aug. Vict. De Caes. 39.22) однозначно уравнивает эти набеги с внешней угрозой: «В это же время персы сильно потрясли Восток, Юлиан и племена квинквентанов - Африку». Евтропий, сообщая о чинимых мавританским населением беспорядках, не упоминает даже имени предводителя, а тем более узурпатора (Eutrop. 9.23). Ни о каком участии регулярных войск в мифической «узурпации», в том числе об их совместных действиях с квинквентанами, источники не дают информации. Целью африканского похода Максимиана 297 г. было замирение мавританских *nationes*, а не подавление узурпаций.

Анализ поведения армии в узурпациях первой тетрархии позволяет утверждать, что механизм «вызова императорской власти» начального периода домината в известной мере отличался от своих аналогов I - II вв. тем, что сама армия тетрархов во многом уже не была похожа на армию принципата. Ее оторванность от гражданского населения и отсутствие «привязки» к конкретным провинциям³⁴, соединение у высшего командования армейской и императорской титулатуры и таких же функций, несомненно, снизили возможности вмешательства военных, особенно рядового состава, в политику. Конечно, солдаты получали традиционные донатив и стипендий, величина и частота которых для периода тетрархии точно неизвестны³⁵. Насколько донатив обуславливал персональные связи командования и солдат, можно ответить лишь косвенно. Преамбула к знаменитому «Эдикту о ценах» демонстрирует заботу Диоклетиана о том, как уберечь воинские донативы и стипендии от инфляции; забота же о дефляции в империи

³¹ **Zuckermann C.** Les campagnes... P. 70.

³² **Mason H.J.** Greek Terms for Roman Institutions. A: Lexicon and Analysis. Toronto, 1974. P. 44 - 45. Тезис Ж.Лалльман о том, что Ахиллес был командующим войсками Домициана не находит подтверждения в источниках. См.: **Lallemant J.** L'administration civile de L'avenement de Diocletien a la creation du diocese (284 - 382). Bruxelles, 1964. P. 35.

³³ **Hausmanninger H.** Corrector// Der Kleine Pauly. München, 1979. T. 1. Sp. 1324.

³⁴ См., напр.: **Drew-Bear Th.** Les voyages d'Aurelius Gaius, soldat de Diocletin// La Geographie Administrative et Politique d'Alexandre a Mahomet. Leiden, 1979. P. 93 - 141.

³⁵ **Boren H.C.** Studies Relating to the Stipendium Militum// Historia. 1983. T. 32. Hf. 4. P. 427 - 460.

прямо мотивируется необходимостью повышения покупательской способности средств, поступающих от «военных» налогов³⁶. Формулировки преамбулы прямо свидетельствуют о том, что в массе своей солдаты получали адэрированную аннону. Представляется в этой связи, что главной причиной «пьяного бунта» трибуна Евгения стала замена солдатам его когорты адэрированной анноны на аннона *naturalis*, и то, что материальное положение войск, получавших адэрированную аннону, было сносным. Расправа Диоклетиана над отдельными куриалами Антиохии должна была показать невозможность вмешательства гражданских в дела военных, особенно в том, что касалось права казны, т.е. он продемонстрировал свою персональную связь с последними.

Однако одна из важнейших характеристик переходного (от принципата к поздней античности) состояния армии - ориентация *comitatus* на своего полководца-императора - не была при первой тетрархии устранена. Конструкция тетрархии с ее идеологией фамильного братства при нормальном функционировании как бы восстанавливала былое равенство и единение легионов всей империи. И наоборот, единая военная организация начала дезинтегрироваться при крахе системы политической адаптации, следствием чего стал новый виток узурпаций периода второй тетрархии. Все это убедительно продемонстрировало незавершенность «административной революции», отсутствие надежных механизмов сдерживания узурпаций на самом верху властной пирамиды, как и то, что стабильность режима тетрархии зависела от субъективных факторов, конкретно - от таланта и воли Диоклетиана. И еще: анализ узурпаций первой тетрархии показывает, что тезис А.Уордмена об известной положительности для государства «вызовов императорской власти» не выдерживает критики. Подавив все мятежи, легитимная власть настойчиво добивалась своих первоначальных целей, но уже более кровавой и обременительной для населения ценой. Узурпации, безусловно, подрывали имперскую оборону (для того, чтобы выступить против Ахиллеса, Диоклетиану пришлось снять ряд подразделений с дунайской границы; до того, как начать подготовку к высадке в Британии, Констанций Хлор несколько лет «латал дыры» на рейнском фронте), и ни одна из них при первой тетрархии не стала особым «римским способом передачи власти».

³⁶ Ed. Dioc. Pr. 14 (Ld. S. Lauffer. Diocletians Preisendict. B., 1971): «...distractioe unius rei donativo militem stipendioque privari et omnen totius orbis ad sustinendos exercitus collationem detestandis...»; Noethichs K.L. Spätantice Wirtschaftspolitik und Adaeratio// Historia. 1985. T. 34. S. 103: «Der militärische Gesichtspunkt ist der Schlüssel wahrscheinlich zu allen Reformen dieses Kaisers, sicher aber zu seinen wirtschaftspolitischen Massnahmen»; S. 115: «Das Hauptziel diokletianischer Wirtschaftspolitik war die Versorgung der militia».